ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 31 • 2026 • № 2

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ
7 *Алексеева Е. М.* Идентификационные признаки сакрально-религиозного толкования евангельской притчи
18 *Ященко Н. В., Усатова И. Ю.* Построение гипотезы как способ развития неподготовленной речи на иностранном языке

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ
31 *Кубасов А. В.* Проблема идеала в рассказе А. П. Чехова «Скучная история»
41 *Влавацкая М. В.* Украинские реалии в английских переводах повести Н. В. Гоголя «Вий»

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.
52 *Кенжебаева С. Ж., Плотникова А. Г.* В. Ф. Плетнев: биография и творческие связи (по архивным материалам)
62 *Ибатуллина Г. М.* Сотерический миф в рассказе В. П. Астафьева «Гуси в полынье»
72 *Барковская Н. В.* Осязание как способ вернуть реальность мира (стихотворение Ивана Полторацкого «Арык»)

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ
79 *Gorbaneva V. V.* Corpus Analysis of Semantic Prosody of Reporting Verbs in English-Language Scholarly Research Texts
92 *Rakhmatullina D. E., Filippova G. F.* Prospective Semantics of Postpositives of English Phrasal Verbs

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
102 *Pakhomova O. V., Sibirtseva V. G.* Kreative Abweichungen Syntaktischer Normen in der Deutschen Poesie (F. G. Klopstock und Y. Tawada)
110 *Šoškić R. V.* Theatre as Ontology: Dramaturgical Form and Philosophical Inquiry in Tom Stoppard's Creative Activity
119 *Zhironkina E. S.* Precedent Name in J. Shepard's Novel *The Book of Aron*

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
128 *Романичева Е. С.* Образовательные экскурсионные практики 1910–1920-х годов: от наглядности к методологии
139 *Дякина А. А.* Публицистика И. А. Бунина: формат медийного прочтения
150 *Шустрова Е. В., Чудинов А. П.* Проблемные задачи на основе поликодовой прецедентности в подготовке студентов-филологов
160 *Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И.* Учебные словари городской ономастики и приемы их использования в иноязычной студенческой аудитории
171 *Цзин Байлян, Харченко Е. В.* Оценочные реакции на единицы интернет-сленга в студенческой среде

ХРОНИКА. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ
182 *Христенко Д. Н.* Чеховский выпуск научного журнала «Два века русской классики»: содержательное и структурное единство номера

CONTENT

CONCEPTS. PROGRAMS. HYPOTHESES
7 *Alekseeva E. M.* Identification Features of Sacral-Religious Exegesis of the Gospel Parable
18 *Yashchenko N. V., Usatova I. Yu.* Constructing a Hypothesis as a Way to Develop Skills of Unprepared Speech in a Foreign Language

REREADING RUSSIAN CLASSICS
31 *Kubasov A. V.* The Problem of the Ideal in A. P. Chekhov's Short Story "A Boring Story"
41 *Vlavatskaya M. V.* Ukrainian Realia in English Translations of N. V. Gogol's Novella "Viy"

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH–21ST CENTURIES
52 *Kenzhebaeva S. Zh., Plotnikova A. G.* V. F. Pletnev: A Biography and Creative Contacts (Based on Archival Materials)
62 *Ibatullina G. M.* The Soteric Myth in the Short Story by V. P. Astafyev "Geese in the Ice Hole"
72 *Barkovskaya N. V.* Touch as a Way to Restore the Reality of the World (The Poem "The Aryk" by Ivan Poltoratsky)

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS
79 *Gorbaneva V. V.* Corpus Analysis of Semantic Prosody of Reporting Verbs in English-Language Scholarly Research Texts
92 *Rakhmatullina D. E., Filippova G. F.* Prospective Semantics of Postpositives of English Phrasal Verbs

GLOBAL LITERATURE POETICS
102 *Pakhomova O. V., Sibirtseva V. G.* Creative Deviations from Syntactic Norms in German Poetry (F. G. Klopstock and Y. Tawada)
110 *Šoškić R. V.* Theatre as Ontology: Dramaturgical Form and Philosophical Inquiry in Tom Stoppard's Creative Activity
119 *Zhironkina E. S.* Precedent Name in J. Shepard's Novel *The Book of Aron*

METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES
128 *Romanicheva E. S.* Educational Excursion Practices of the 1910–20s: From Visuality to Methodology
139 *Dyakina A. A.* I. A. Bunin's Non-Fictional Prose: A Media Reading Format
150 *Shustrova E. V., Chudinov A. P.* Problem-Based Tasks on the Data of Multimodal Precedent Phenomena in Professional Language Training
160 *Nikitina T. G., Rogaleva E. I.* Educational Dictionaries of Urban Onomastics and Methods of Their Use in Teaching Foreign Language Speaking Students
171 *Jing Bailiang, Kharchenko E. V.* Evaluative Responses of University Students to Internet Slang Units

REVIEWS
182 *Khristenko D. N.* The Chekhov Issue of the Scholarly Journal "Two Centuries of Russian Classics": Thematic and Structural Unity of the Issue

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1-31(Чехов А. П.). DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-2-31-40.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»

Кубасов А. В.
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9074-1133
SPIN-код: 4393-0560

Памяти моего учителя – профессора Наума Лазаревича Лейдермана

Аннотация. Исследование посвящено анализу одного из самых известных рассказов А. П. Чехова. Ключевая проблема произведения – проблема идеала – возникла у писателя не спонтанно. Она обусловлена рядом факторов как биографического характера, так и собственно литературного. В год написания рассказа от туберкулеза умер старший брат писателя, художник Николай Чехов. К тому времени и сам автор «Скучной истории» несколько лет страдал от того же заболевания, что во многом сподвигло его обратиться к экзистенциальным проблемам жизни и смерти. Примерно в это же время в публицистике развернулась дискуссия о содержании и формах проявления идеала человеческой жизни. Одним из стимулов для нее послужила книга К. Д. Кавелина «Задачи этики». В статье в качестве рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что А. П. Чехов был знаком с ней по большой реферативной статье, опубликованной в журнале «Северный вестник», с которым писатель активно сотрудничал в это время. В связи с этим имя одного из «друзей» Николая Степановича, главного героя рассказа, возникает не случайно, а вполне закономерно. Обнаруживаются прямые переклички между философским трудом К. Д. Кавелина и «записками старого человека». Своим рассказом А. П. Чехов вступает в большой литературно-публицистический диалог, который вели ведущие отечественные критики того времени. С именем Н. И. Пирогова связана другая сторона жизни героя и опосредованно биографического автора. А. П. Чехов, несомненно, был знаком с мемуарами русского хирурга и включил в рассказ почти прямую цитату из них. В записках Н. И. Пирогов пишет о разных гранях своей жизни, но заканчивает их тем же обращением к проблеме идеала и смысла человеческого существования. Н. А. Некрасов, третий «друг» героя «Скучной истории», оказывается с ним в родственном отношении на основе творчества. Рассказ А. П. Чехова написан от первого лица, тем самым Николай Степанович, профессор и врач, раскрывается еще и как творчески активная личность, способная к порождению высокохудожественного текста. Завершается анализ рассказа определением интертекстуальных связей его со стихотворением А. С. Пушкина, а также характеристикой жанровой специфики неканонического «жития».

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературные жанры; литературное творчество; литературные образы; литературные герои; рассказы; аксиология; идеал; интертекст; жанр жития; жанровая стилизация; мемуары; биографизм прозы; А. П. Чехов

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические “пересечения”, критическая рецепция и интертекстуальные связи», https://rscf.ru/project/24-18-00762/ ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Кубасов, А. В. Проблема идеала в рассказе А. П. Чехова «Скучная история» / А. В. Кубасов // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 2. – С. 31–40. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-2-31-40.

THE PROBLEM OF THE IDEAL IN A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY "A BORING STORY"

Alexander V. Kubasov
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9074-1133

Abstract. The study analyzes of one of the most famous short stories by A. P. Chekhov. The key problem of the work – the problem of the ideal – did not pop up spontaneously in his mind. It was brought about by a number of factors, both biographical and literary in nature. The year the story was written, the writer's elder brother, the artist Nikolai Chekhov, died of tuberculosis. By that time, the writer himself had already been suffering from the same disease for several years, which in many ways forced him to turn to the existential problems of life and death. Around the same time, a discussion arose in journalism about the content and forms of manifestation of the ideal of human life. One of the stimuli for it was the book by K. D. Kavelin, "The Tasks of Ethics". As a working hypothesis, the article puts forward the idea that Chekhov was familiar with this book through a long review article published in the journal *Severny Vestnik*, with which the writer actively collaborated at the time. Therefore, the name of one of the "friends" of Nikolai

© Кубасов А. В., 2026

Stepanovich, the main character of the story, appears not by chance, but quite naturally. Direct parallels are found between Kavelin's philosophical work and the "notes of an old man". With his story, Chekhov enters into a large literary and journalistic dialogue that was conducted by the leading Russian critics of the time. The name of N. I. Pirogov is associated with another side of the life of the main character and, indirectly, of the biographical author. Chekhov was undoubtedly familiar with the memoirs of the Russian surgeon and included an almost direct quote from them in his short story. In his notes, Pirogov writes about various aspects of his life, but ends them with the same appeal to the problem of the ideal and the meaning of human existence. N. A. Nekrasov, the third "friend" of the main character of "A Boring Story", turns out to be related to him on the basis of creativity. Chekhov's story is written in the first person, thereby revealing Nikolai Stepanovich, a professor and doctor, as a creatively active personality capable of producing highly artistic texts. The article concludes by providing an analysis of the intertextual ties of the story with Pushkin's poem, as well as the definition of the genre specificity of the "life of a saint".

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary genres; literary creativity; literary images; literary characters; short stories; axiology; ideal; intertext; genre of the "life of a saint"; genre stylization; memoirs; biographical nature of prose; A. P. Chekhov

Acknowledgments: The research was carried with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project No. 24-18-00762 "Classics of the Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: Biographical Contacts, Critical Reception, and Intertextual Ties", https://rscf.ru/project/24-18-00762/ The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Kubasov, A. V. (2026). The Problem of the Ideal in A. P. Chekhov's Short Story "A Boring Story". In *Philological Class*. Vol. 31. No. 2, pp. 31–40. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-2-31-40.

О существующих к настоящему времени интерпретациях рассказа А. П. Чехова «Скучная история» (1889) можно написать целую диссертацию. Ограничимся одним показательным фактом: только в прижизненной критике писателя рассказ становился поводом для замечаний, рассуждений или анализа почти в двухстах работах [Чудаков 2023: 482]. За прошедшие десятилетия это число многократно умножилось.

Почти во всех исследованиях, посвященных анализу «Скучной истории», цитируется фрагмент рассказа, где упоминаются три личности, с которыми был дружен его главный герой: «Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мере за последние 25–30 лет в России нет и не было такого знаменитого ученого, с которым он не был бы коротко знаком. Теперь дружить ему не с кем, но если говорить о прошлом, то длинный список его славных друзей заканчивается такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов, дарившие его самой искренней и теплой дружбой» [Чехов 1977: VII, 251][1]. Далее Николай Степанович вспоминает в своих «записках» фамилии еще трех московских профессоров: художника В. Г. Перова, служившего в Училище живописи, ваяния и зодчества, Н. И. Крылова и А. И. Бабухина, а также петербургского профессора анатомии В. Л. Грубера (VII, 259, 260, 296). Они не отнесены Николаем Степановичем к категории его друзей, а только упомянуты им к слову.

Чем обусловлен выбор первой тройки имен? Случайны ли их имена, или за ними скрыта какая-то художественная телеология, отражающая авторские интенции? Попытка дать ответы на эти вопросы позволяет понять важные особенности поэтики А. П. Чехова.

Перебирая в памяти фамилии чеховских героев из других произведений, вспоминается одна, которая может послужить отправной точкой для последующих размышлений, – Тригорин из «Чайки». В отличие от перечисленных имен реальных людей, она создана творческим воображением автора, а не взята из действительности. Внутренняя форма фамилии Бориса Алексеевича Тригорина очевидным образом связана с выражением «три горы». Не есть ли Пирогов, Кавелин и Некрасов тоже своеобразные метафорические «три горы», отражающие разные сферы деятельности автора и героя: врачебное дело (Н. И. Пирогов), научную деятельность (К. Д. Кавелин) и творчество (Н. А. Некрасов)? Если соотнести Николая Степановича с его друзьями, то можно сказать, что в дискурсивной реальности рассказа он представлен в трех социально-профессиональных статусах: как врач, профессор и писатель (как автор «записок»).

Остановимся вначале на среднем компоненте триады друзей – на профессоре Кавелине, больше других связанном с научной стороной жизни главного героя. Заметим попутно, что Пирогов тоже занимал кафедру профессора, но не в столичных университетах, как Кавелин, а в Дерптском, однако в массовом сознании он воспринимается прежде всего как врач. Соотношение употребления в рассказе слов *профессор* и *врач* составляет 14 и 6 случаев соответственно. Следовательно, для самосознания героя «Скучной истории» его университетская практика была более актуальна, чем врачебная.

Герои, стремящиеся к научной деятельности или оценивающие ее со своей точки зрения, проходят в творчестве А. П. Чехова с его первых произведений до последних. В «Письме к ученому соседу» Василий Семи-Булатов признается в «пламенной любви» к «приват-доцентам», а также к другим «жрецам науки» (I, 11). В «Архиерее», этом творческом завещании писателя, сказано, что преосвященный Петр защитил диссертацию, и в 32 года его «сделали ректором семинарии» (X, 192). Какое-то время не был чужд размышлений о кафедре и сам А. П. Чехов, иначе бы не замышлял написания магистерской диссертации (П. I, 63). Данью науке он признавал свой «Остров Сахалин».

При всем различии упомянутой в рассказе тройки «славных друзей» героя, их объединяет то,

[1] В дальнейшем ссылки на это издание даются в основном тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы. Серия писем обозначена П. Курсив, кроме оговоренных случаев, везде наш – А. К.

что ни с кем из них А. П. Чехов как первичный биографический автор не был лично знаком. Ко времени публикации «Скучной истории» в «Северном вестнике» никого из них уже не было в живых. Через три года в письме А. С. Суворину А. П. Чехов заметил: «Да и кажется мне, что имена живых могут украшать лишь газетные и журнальные статьи, но не повести» (П. V, 91). Справедливость, однако, требует отметить, что в опубликованном рассказе, наряду с ушедшими из жизни личностями, были упомянуты профессора В. Л. Грубер и А. И. Бабухин (VII, 259). Они имели возможность в год публикации произведения воочию увидеть свои имена в тексте «Скучной истории». Эта деталь, наряду с другими, придает запискам Николая Степановича оттенок актуальной современности. Критики 80–90-х годов позапрошлого века острее воспринимали созвучие тех или иных тем или мотивов рассказа с общественными проблемами, поэтому и могли появиться замечания вроде того, что сделал П. П. Перцов. По его мнению, «Скучная история» «вся пересыпана вставками публицистического характера», поэтому, далее пишет критик, «кажется, что просматриваешь записную книжку очень умного и наблюдательного человека». Главный недостаток Николая Степановича сформулирован как косвенная претензия критика автору: «Для выдающегося профессора, получившего мировую известность за свою ученость, весьма странно отсутствие в нем идеалов» [Перцов 1893: 56–57]. В произведении, живущем почти полтора столетия, происходят семантические сдвиги, и ныне оценку давнего рецензента можно уточнить, отметив в рассказе баланс художественного и публицистического начал при безусловном доминировании первого.

Требование ясной формулировки «идеалов», «общей идеи» звучало и в других статьях современной А. П. Чехову критики. Наличие их признавалось у друзей главного героя и отрицалось у автора. Яснее других это положение выразил Н. К. Михайловский. Признавая талант молодого писателя, он вместе с тем сожалел, что «идеалы отцов и дедов над ним бессильны» [Михайловский 1897: 776]. М. А. Протопопов отметил скрытую за критикой авторскую тоску по идеалу: «Осудивши разговоры об идеалах, г. Чехов, сам того не замечая, тем не менее тоскует об идеале, говорит об идеале и говорит очень хорошо, с умом, с искренним чувством» [Протопопов 1892: 106–107]. А. М. Скабичевский в какой-то мере обобщил разноголосый хор рецензентов рассказа, вынеся главный вопрос в заглавие своей статьи, – «Есть ли у г-на Чехова идеалы?» [Скабичевский 2002: 144]. Ответ критика на вопрос был отрицательный.

В последующие десятилетия вопрос, заданный современным А. П. Чехову критиком, стал восприниматься как упрощенный и неадекватный по отношению к творчеству писателя. Стало понятно, что идеалы возможно декларировать не только прямо и открыто, но и опосредованно, в более сложных художественных формах. Эволюция проблемы идеала в критике XIX–XX вв. получила существенно более глубокую и убедительную разработку [Одесская 2008].

Зимой 1898 г. в письме Е. М. Шавровой А. П. Чехов заметил: «В заглавии “Идеал” слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это не русское слово и в заглавия оно не годится» (П. VII, 155). Ирония по отношению к «мармеладному» слову в своих истоках восходит ко времени Пушкина: «На модном слове “идеал” / Тихонько Ленский задремал». В современной А. П. Чехову литературно-художественной жизни проблема идеала активно дебатировалась в журнальной периодике, и А. П. Чехов не мог не учитывать ее. Это проявилось в предвидении им реакций определенных изданий. В письме А. М. Евреиновой, издательнице «Северного вестника», А. П. Чехов выразил убеждение, что его рассказ «шуму наделает» и что именно «“Русская мысль” его обругает». Далее в письме следовал вопрос, вынесенный на отдельную строку: «Что Короленко?» (П. III, 244). В данном случае Короленко служил А. П. Чехову в качестве образца писателя, который прямо выражал в творчестве свои идеалы и защищал их в жизни словом и делом.

Почему именно осенью 1889 г. у А. П. Чехова возникла постановка проблемы идеала? Одна из причин связана с событиями жизни писателя. Летом 1889 г. в возрасте 31 года от чахотки умер Николай Чехов, его старший брат. Смерть близкого человека заставила А. П. Чехова задуматься над экзистенциальной проблемой смерти и смысла жизни [Сухих 2023]. Другим импульсом, подтолкнувшим А. П. Чехова обратиться к проблеме идеала, стала литературно-публицистическая дискуссия в современной ему периодике.

«Скучная история» была четвертым прозаическим произведением А. П. Чехова, опубликованным в «Северном вестнике». В 1888 г. вышли «Степь», «Огни» и «Именины». В третьем номере журнала за 1889 г. была помещена драма «Иванов», а в одиннадцатом – «Скучная история». Каждое из этих произведений претендовало на нечто новое в литературе. Началом, объединяющим их, следует признать *художественный энциклопедизм*. «Степь» можно трактовать как «степную энциклопедию», в «Огнях» достаточно широко «развернута скептическая онтология, в которой остается неразрешенным главный вопрос о месте человека» [Разумова 2001: 109]. В «Именинах» была реализована попытка обобщить важные сведения, касающиеся психологической структуры личности. «Скучная история» отражала анализ писателем ценностных ориентиров человека. Рассказ отличает стремление к аксиологической полноте, что непосредственно связано с темой идеала.

Во всех перечисленных случаях очевидно стремление А. П. Чехова к подведению каких-то итогов средствами литературы. Вспомним его оценку «Иванова»: «Я лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим “Ивановым” положить предел этим писаньям» (П. III, 132). О суммарности «Скучной истории» А. П. Чехов выразился иначе.

Во время работы над рассказом он заметил в письме А. Н. Плещееву: «*В моей повести* не два настроения, а целых пятнадцать…» (П. III, 248). Конечно, эти настроения отражают переменчивый характер главного героя, но не только. А. П. Чехов, кажется, мог бы оформить фразу несколько иначе: «*У моего героя* не два настроения, а целых пятнадцать…». Однако он выбрал другой вариант. Пятнадцать настроений характеризуют прежде всего разнородные тональности самого текста рассказа, что косвенно отражает его энциклопедизм. Выражается эта особенность в обилии тем и проблем, а также личностей, как непосредственно упомянутых в произведении, так и подразумеваемых, о которых автор лишь намекает с помощью аллюзий и скрытых цитат. Почти за каждой фамилией скрывается то или иное «настроение», тональность. Энциклопедически образованной личностью предстает и непосредственно Николай Степанович, что мотивировано его профессиональной деятельностью. Пирогов, Кавелин и Некрасов не могли стать друзьями ординарной личности с узкими интересами. Объединяет героя рассказа с реальными лицами и близость поколений. Д. Н. Овсянико-Куликовский писал, что старый профессор «принадлежит к людям 50–60-х годов и в своем умственном облике сохраняет отпечаток этой эпохи» [Овсянико-Куликовский 1911: 71]. Данную характеристику вполне можно отнести и к каждому из друзей Николая Степановича.

Нет сомнения, что А. П. Чехов внимательно просматривал разные материалы в «Северном вестнике», с которым активно сотрудничал в это время. Речь идет не только о текущих выпусках журнала, но и прошлых лет. В одном из них была помещена реферативная статья В. П. Воронцова «Учение о нравственности Кавелина» [1886]. Вполне вероятно, что она была прочитана А. П. Чеховым. Есть веские основания полагать, что проблема «общей идеи» в рассказе возникла не без влияния этой статьи, поэтому остановимся на ней подробнее.

Автор журнальной публикации посвятил ее анализу книги К. Д. Кавелина «Задачи этики» [1886], которая, по словам рецензента, «заинтересовала общество». Вопрос о том, входил ли в это заинтересованное общество А. П. Чехов, иначе говоря, был ли он непосредственно знаком с книгой К. Д. Кавелина, приходится оставить открытым. Вполне возможно, что и незнаком. Однако детальный разбор в реферативной статье труда профессора с множеством обширных выписок из него был вполне достаточен, чтобы составить адекватное представление о содержании «Задач этики».

В. П. Воронцов пишет, что К. Д. Кавелин посвятил свой труд «молодому поколению», которому хотел дать «руководящую нить, при помощи которой оно могло бы разобраться в сложной комбинации явлений личной и общественной жизни» [Воронцов 1886: 1]. Слова о «руководящей нити» можно прочитать как развернутую формулировку понятия «общая идея», которую на все лады обсуждали критики рассказа А. П. Чехова. Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), настоящий университетский профессор, в отличие от *образа профессора* в художественном произведении, создавая научную монографию, не ограничился только постановкой вопроса этического идеала, а предложил свой вариант его понимания. Рецензент книги ставил перед собой задачу ответить на вопрос: могут ли излагаемые К. Д. Кавелиным в книге идеи «вдохнуть» в современное поколение «новую силу», или же они «способны только возбудить ожидания, вызвать много разговоров и затем безвозвратно погрузиться в лету забвения»? [Воронцов 1886: 2].

Этика – наука о нравственности. В связи с этим важнейшая дихотомия К. Д. Кавелина выражается категориями «нравственное» и «безнравственное». В. П. Воронцов, ссылаясь на ученого, пишет о том, что у него «понятие о нравственности охватывает только внутренние поступки человека, а не слагается из внутренних и внешних действий» [Воронцов 1886: 6]. Велик соблазн прямо связать этот постулат К. Д. Кавелина с выбранной А. П. Чеховым формой повествования от первого лица. Действительно, в «Скучной истории» практически нет «внешних действий», а все внимание автора сосредоточено на «внутренних поступках» Николая Степановича. Если же какие-то внешние действия и передаются, то они важны не сами по себе, а только как импульс к их рефлексии старым профессором.

Будучи профессиональным юристом, К. Д. Кавелин разделяет внутреннее и внешнее, относя первое к сфере нравственности, а второе – к сфере права и закона: «Наше внутреннее побуждение к внешнему действию может быть нравственно, а вызванное им действие преступно и наоборот» [Воронцов 1886: 7]. Такой разнобой субъективного начала с объективным, внешним, приводит, в частности, к борьбе личности «с общественными формами». Этика, в трактовке К. Д. Кавелина, имеет отношение к «душевному строю» личности, к ее «*ощущениям, убеждениям и помыслам*» [Там же]. Неизбежно возникает вопрос, какими они должны быть, чтобы признаваться близкими к «идеалу»?

Рецензент книги цитирует определение идеала у К. Д. Кавелина: «“*Идеал есть то представление или понятие, которое связывает разрозненные мотивы в одно целое и дает им одно общее направление*”; таким образом, “идеал служит посредником и проводником между мыслью и деятельностью”» [Воронцов 1886: 10]. В рассказе А. П. Чехова Николай Степанович, подводя итог своей жизни, почти дословно повторяет формулировку К. Д. Кавелина: «В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, *во всех мыслях, чувствах и понятиях*, какие я составляю обо всем, *нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое*» (VII, 307). Три компонента, выделенные К. Д. Кавелиным и составляющие суть внутренних поступков, отражены в синонимах у чеховского героя: *мысли – помыслы, чувства – ощущения, понятия – убеждения*. Определение идеала у К. Д. Кавелина помогает лучше понять то, чего не хватает Николаю Степановичу и что он жаждет обрести на пороге своей смерти.

Чеховского героя мучает осознание раздробленности, несвязности в его жизни разнородных явлений, смешения важного со случайным и ситуативным. «Пристрастие к науке», «желание жить», «сиденье на чужой кровати» и «стремление к самопознанию» подаются в «записках старого человека» через запятую, как ряд однородных членов[1]. Далее герой рассказа развивает и конкретизирует предшествующее заявление: «Каждое *чувство* и каждая *мысль* живут во мне особняком, и во всех моих *суждениях* о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека» (VII, 307). Прибегая к средствам синонимии, А. П. Чехов вновь перечисляет три компонента, составляющие суть «внутренних поступков» в трактовке К. Д. Кавелина.

Жесткая оценка критиков чеховского героя и его автора за отсутствие у них «общей идеи» должна быть смягчена в случае, если следовать дальше за логикой и размышлениями автора «Задач этики». Понятие идеала в книге трактуется как неоднозначное и разноаспектное. Рецензент пишет: «Кавелин разделяет идеалы по мотивам на близкие и отдаленные, личные и общие, и по предметам, на которые направлена сознательная деятельность, – на субъективные и объективные. В этом последнем различении и лежит ключ к пониманию его теории нравственности» [Воронцов 1886: 10]. Приняв во внимание эти положения, можно сказать, что у чеховского героя нет отдаленных, общих, объективных идеалов, тогда как близкие, личные, субъективные идеалы у него, безусловно, есть. Формулируются они не только через апеллирование к образцу или эталону (те же друзья героя как близкие к идеалу личности), но и через критику существующей антинормы. Это касается самых разных сторон жизни героя: университетского образования, семейного быта, культуры, межличностных отношений.

Оппозиция К. Д. Кавелина близких и отдаленных идеалов перекликается с мыслями А. П. Чехова в письме А. С. Суворину от 25 ноября 1892 года: «*У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей*, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником» (П. V, 133–134).

Проблема идеала у К. Д. Кавелина нерасторжимо связана с понятием *совести*. Именно она является оселком, на котором проверяются и испытываются «ощущения, убеждения и помыслы» человека, именно она призвана связывать их в единое целое и тем самым приближать его к идеалу. Рецензент книги К. Д. Кавелина приводит фразу из его «Задач этики»: «Она (т. е. совесть – *А. К.*) тревожит нас, когда мы дали волю побуждениям, не согласным с образцом или нормою, или когда оказываемся бессильными в борьбе с мотивами, отступающими от субъективного идеала» [Воронцов 1886: 13]. Приближенной к идеалу, таким образом, можно признать личность, чьи внутренние поступки гармонируют с ее совестью. Николая Степановича мучает как раз дисгармония между совестью и его ощущениями, убеждениями и помыслами. В связи с этим мотив беспокойной совести героя – один из сюжетообразующих в рассказе: «*Мои совесть и ум* говорят мне, что самое лучшее, что я мог бы теперь сделать, – это прочесть мальчикам прощальную лекцию…» (VII, 263). В конце рассказа герой характеризует себя словами «раздраженный», «напуганный», «недовольный собою». Такое состояние профессора – следствие его «бессильной борьбы с мотивами, отступающими от субъективного идеала». Заканчивается эта борьба фактической капитуляцией Николая Степановича перед неизбежностью близкой смерти, которую по его субъективным ощущениям надо бы встречать иначе: «*С больною совестью*, унылый, ленивый, едва двигая членами, точно во мне прибавилась тысяча пудов весу, я ложусь в постель и скоро засыпаю» (VII, 291).

С осторожностью можно говорить о том, что личность К. Д. Кавелина отчасти отражена в рассказе и сама по себе, потому что А. П. Чехов не был с ним лично знаком. К. Д. Кавелин, по отзывам его современников, был блестящим лектором. На эту сторону указал в некрологе В. А. Гольцев, приведя свидетельство одного из бывших студентов: «До сих еще свежо для меня то впечатление, которое я выносил из этих лекций, полных юношеского пыла, свежих и ярких. Профессор был тогда почти так же молод, как и его слушатели, и оттого его воодушевление электрическою искрой сообщалось студентам» [Гольцев 1885: 208]. В январе 1892 г. В. А. Гольцев прочитает лекцию в пользу голодающих, которая была посвящена «нравственным идеям Кавелина» [Гольцев 1892]. Автор «Задач этики» оставил профессорскую кафедру в Московском университете в 1848 г., т. е. еще до рождения А. П. Чехова. Однако ему как студенту-медику довелось слушать других выдающихся лекторов, например Г. А. Захарьина. Идеал личности профессора, который раскрывается в рассказе, связан не только с широтой его кругозора и объемом профессиональных знаний, но и с умением донести их до слушателей. Эта сторона отразилась в характеристике Николая Степановича как лектора: «Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу. В голове нет ни одной готовой фразы. Но стоит мне только оглядеть аудиторию (она построена у меня амфитеатром) и произнести стереотипное “в прошлой лекции мы остановились на…”, как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и – пошла писать губерния!»[2] (VII, 261). Герой вспоминает о сво-

[1] Эта фигура речи, получившая в риторике название «зевгма», идет от опыта Чехова-юмориста. Ср.: «Доктор <…> часто имеет палку с набалдашником и лысину» (I, 17).

[2] Конец фразы содержит явную отсылку к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя и служит одной из скрытых форм создания дистанции между автором и героем.

ем замечательном былом и противопоставляет ему современность: «Это было прежде. Теперь же на лекциях я испытываю одно только мучение» (VII, 263).

Наряду с элементами сходства, между Николаем Степановичем и личностью К. Д. Кавелина есть и существенные различия. А. Ф. Кони писал о коллеге в очерке-некрологе: «Он умел сказать деликатное по форме, но мужественное и твердое по существу своему слово ободрения, *умел указать сломившемуся под гнетом личной скорби общие цели и задачи жизни*, мягко пристыдить, утешить, обратив больную мысль от временного и случайного к вечным, поднимающим дух, вопросам» [Кони 1885: 656]. Автор «Задач этики» старался в своей жизни следовать тем нормам, которые декларировал в своих работах. В «Скучной истории» с просьбой к профессору «указать общие цели и задачи жизни» обращается его воспитанница Катя, но в ответ вместо «слов ободрения» слышит нечто совсем иное:

«– Николай Степаныч! – говорит она, бледнея и сжимая на груди руки. – Николай Степаныч! Я не могу дольше так жить! Не могу! Ради истинного бога скажите скорее, сию минуту: что мне делать? Говорите, что мне делать?

– Что же я могу сказать? – недоумеваю я. – Ничего я не могу» (VII, 308).

В конце концов, так и не придумав ничего стоящего в ответ на призыв о помощи, профессор произносит нечто абсолютно будничное: «Давай, Катя, завтракать» (VII, 309). Сложно сказать, сумел ли бы автор «Задач этики» в подобной ситуации сказать «мужественное и твердое по существу своему слово ободрения», но герою А. П. Чехова оно кажется неуместным и фальшивым. Пройдет 15 лет, и в Баденвейлере писатель уйдет из жизни, как и его герой, без ложного пафоса и выспренних фраз.

Если А. П. Чехов действительно прочитал статью В. П. Воронцова и тем самым опосредованно познакомился с книгой К. Д. Кавелина, то исповедальные записки Николая Степановича получают дополнительный аргумент в пользу признания их как опредмеченного, объективированного текста, лишь преломлено и косвенно отражающего авторские интенции. Недаром в письме А. С. Суворину 17 октября 1889 г. А. П. Чехов полемически остро заметил: «Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей. Покорно Вас благодарю. Во всей повести есть только одна мысль, которую я разделяю и которая сидит в голове профессорского зятя, мошенника Гнеккера, это – “спятил старик!” Всё же остальное придумано и сделано…» (П. III, 266).

В. П. Воронцов заканчивает свой отзыв о книге К. Д. Кавелина жесткой оценкой: он признает изложенные в ней основы этики профессора «неудачным учением» [Воронцов 1886: 24], потому что находит в нем целый ряд противоречий. А. П. Чехов же своим рассказом создает имплицитную апологию К. Д. Кавелина, участвуя тем самым в большом философско-публицистическом диалоге современности о роли и значимости идеала в ценностно-смысловой структуре личности.

Проекция чеховского героя на личность К. Д. Кавелина, умершего за четыре года до публикации рассказа, придает публикации его записок характер «посмертных». Этот аспект находит подтверждение и подкрепление в случае обращения к другому «славному другу» Николая Степановича. Речь идет о мемуарах, опубликованных в 1884–1885 гг. на страницах «Русской старины» и озаглавленных «*Посмертные записки* Николая Ивановича Пирогова» [1884, 1885][1]. Жанр «мемуарных записок» предполагал именно такое их функционирование. Напомним в этой связи наказ героя Льва Толстого, старого князя Болконского, сыну: «Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу».

Имя Н. И. Пирогова, по сравнению с К. Д. Кавелиным, привносит в рассказ новое «настроение». В апрельском номере «Русской старины» за 1885 г. под одной обложкой оказался не только упомянутый выше некролог А. Ф. Кони о К. Д. Кавелине, но и очередной выпуск мемуаров Н. И. Пирогова. Быть может, это стало одной из дополнительных мотивировок их соседства и в рассказе А. П. Чехова.

В очередной части мемуаров Н. И. Пирогов вспоминает свое пребывание в Германии в тридцатые годы. Он пишет: «…я застал в Берлине практическую медицину почти совершенно изолированную от главных реальных ее основ: анатомии и физиологии. Было так, что анатомия и физиология сами по себе, а медицина сама по себе. И сама хирургия не имела ничего общего с анатомиею. Ни Руст, ни Грефе, ни Диффенбах не знали анатомии» [Посмертные записки… 1885: 2]. И далее: «Вскрытие трупов сами профессора не делали и не присутствовали на них, да и присутствие их там ни к чему бы не повело, при их полном незнании патологической анатомии» [Там же: 3].

В отличие от немецких профессоров, Николай Степанович проводит демонстрационные вскрытия трупов для студентов[2]. Выход профессора и его помощников на лекцию немного похож на процессию «жрецов науки»: «И мы *шествуем* в таком порядке: впереди идет Николай с препаратами или с атласами, за ним я, а за мною, скромно поникнув головою, шагает ломовой конь (т. е. прозектор Петр Игнатьевич – *А. К.*); или же, если нужно, впереди на носилках несут труп, за трупом идет Николай и т. д.» (VII, 261). Очевидно, наглядность, которая сопровождает лекцию Николая Степановича, как раз связана с анатомией и физиологией. В рассказе А. П. Чехова ничего не сказано, где получил медицинское образование его герой. Вполне возможно, что он, как и Н. И. Пирогов, в прошлом побывал в Германии. В связи с этим, когда прозектор Петр Игнатьевич «начинает, по обычаю, превозносить немецких ученых», Николай Степанович безапелляционно заявляет: «Ослы ваши

[1] Впервые связь мемуаров Н. И. Пирогова с рассказом А. П. Чехова была отмечена сразу после выхода рассказа в одном из выпусков газеты «Одесский листок». См.: [Чудаков 2022: 84].

[2] Последняя отсылка к этому мотиву прозвучит в «Архиерее», где Катя говорит про Николашу, брата преосвященного Петра, что тот «мертвецов режет» (X, 191).

немцы…» (VII, 295–296). Эту оценку можно расценить, помимо прочего, и как отголосок общего итога описанных Н. И. Пироговым немецких профессоров. Позже похожая, травестийная по своему вкусу, оценка прозвучит в «Дуэли» в реплике Самойленко (отчасти, видимо, тоже связанного с личностью Н. И. Пирогова). Доктор говорит Лаевскому: «…ты ученейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили. Да, немцы! Немцы!» (VII, 376).

Н. И. Пирогов в мемуарах вспоминает забавный эпизод, когда он встретил в Ревеле на море профессора права Н. И. Крылова: «Мы раздеваемся и идем купаться. Первый входит в воду Крылов, но как только окунулся, так сейчас же благим матом назад; трясясь, как осиновый лист, посинев, Крылов бежит из воды, крича дрожащим голосом: “Подлецы, немцы!”» [Посмертные записки… 1885: 259]. В «Скучной истории» А. П. Чехов почти дословно передает этот эпизод из мемуаров Н. И. Пирогова: «…покойный профессор Никита Крылов, купаясь однажды с Пироговым в Ревеле и рассердившись на воду, которая была очень холодна, выбранился: “Подлецы немцы!”» (VII, 296). Для нас в данном случае важно очевидное доказательство знакомства А. П. Чехова с мемуарами Н. И. Пирогова в журнальном варианте, вместе с этим бóльшие основания приобретает и предположение о знакомстве автора «Скучной истории» с очерком А. Ф. Кони о К. Д. Кавелине, который был в том же номере «Русской старины».

В части мемуаров Н. И. Пирогова, где описывается история его пребывания в качестве профессора Дерптского университета, сформулировано кредо ученого: «*Служение науке*, вообще всякой, не иное что, как служение истине» [Пирогов 1885: 239]. Какой истине служит чеховский Николай Степанович? Видимо, той же, что и великий русский хирург, – истине медицинской науки: «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что *наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека*, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя» (VII, 263).

Однако на пороге смерти герой А. П. Чехова осознает ее недостаточность, так как она не способна охватить целое жизни человека, или – повторим К. Д. Кавелина – связать «разрозненные мотивы в одно целое и дать им одно общее направление». Н. И. Пирогов, подводя итоги своей жизни, проявляет себя как человек, истово верующий в Бога, при этом о поре своей молодости он критически замечает: «Бога и Христа у меня тогда не было» [Посмертные записки… 1885: 240]. Мемуары русского хирурга, которые дописывались им уже на смертном одре, обрываются почти на половине фразы. Последние мысли Н. И. Пирогова, оставшиеся зафиксированными на бумаге, были посвящены экзистенциальным вопросам: «Вера в бессмертие основана на чем-то более высшем, чем самая любовь. Теперь я верю, или вернее, желаю верить в бессмертие не потому только, что люблю жизнь за любовь мою; <…> нет, моя вера в бессмертие основана теперь *на другом нравственном начале*, *на другом идеале*» [Там же: 479]. Надо полагать, что недописанными остались слова *Бог* и *Христос*, представляющие нравственное начало и идеал. Через три года после «Скучной истории» в письме Е. М. Шавровой А. П. Чехов напишет нечто тождественное мысли Н. И. Пирогова: «По существующим понятиям бог есть выражение высшей нравственности» (П. V, 47–48).

Перейдем к имени третьего «славного друга» Николая Степановича. Лично знавший К. Д. Кавелина А. Ф. Кони вспоминает его настроение в день смерти Н. А. Некрасова: «Большой поклонник покойного поэта, любивший его “за каплю крови, общую с народом”, <…> Кавелин с влажными глазами и слегка дрожащим голосом читал “Тишину” и “Несчастных”. Это были две любимые его вещи» [Кони 1885: 660]. Во «внешнем контуре» рассказа А. П. Чехова, т. е. в литературно-публицистическом контексте, окружающем его, оказываются связанными все три друга чеховского героя. Отголоски названных А. Ф. Кони произведений Н. А. Некрасова можно обнаружить в «Скучной истории».

Поэма Н. А. Некрасова «Тишина» (1856–1857) отражает чувства поэта после поражения России в Крымской войне. В поэме внимание привлекает деталь, которая заставляет вспомнить Н. И. Пирогова, бывшего главным хирургом в осажденном Севастополе:

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач [Некрасов 1982: 53–54].

Самое же начало произведения Н. А. Некрасова вполне проецируется на Николая Степановича, ведущего борьбу с самим собой, а также на А. П. Чехова, испытывающего тягостные чувства в связи со смертью брата:

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор…
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я сам не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула – и сумею,
Быть может, выдержать борьбу! [Некрасов 1982: 51]

Опосредованно чувства Николая Степановича можно выразить и строками из поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные» (1856), названной А. Ф. Кони в числе любимых у «друга» чеховского героя:

Тяжел мой крест: *уединенье*,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат –
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. – «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,

А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови…»
И я попробовал… но что же?..
Душа по-прежнему нема,
И с одичалого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно [Некрасов 1982: 28].

Метафора цветов, «растущих на могиле», воплощена в именах друзей героя Чехова, но не исчерпывается ими. Реминисценциями, которые ведут к другим личностям и текстам, пронизан весь рассказ.

Старый профессор из «Скучной истории» – чрезвычайно начитанный человек, его память хранит множество художественных произведений, которые он осознанно, а чаще бессознательно, вспоминает в своих мемуарах. Одни из них проявляются в форме прямых отсылок, как сравнение с шеей тургеневской героини (VII, 252), другие – как импликатуры, создающие в совокупности эффект энциклопедичности рассказа.

Разберем лишь некоторые из них. Николай Степанович признается своей воспитаннице Кате, что его настроение в последнее время резко изменилось. Он говорит: «…в голове моей день и ночь бродят злые мысли, а в душе свили себе гнездо чувства, каких я не знал раньше. *Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь*» (VII, 282). Невольно для себя герой прибегает в последней фразе к использованию «ритмико-интонационного макета»[1] стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» и перефразировке одного фрагмента из него.

Через два года строки из стихотворения будут взяты А. П. Чеховым в качестве эпиграфа для одной из глав повести «Дуэль» (1891). Там они будут играть роль своеобразного поэтического зеркала, отражающего настроение Лаевского:

… в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток:
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток,
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Николай Степанович в момент признания Кате не думает о лирическом субъекте стихотворения А. С. Пушкина. Диалогизующий фон задается как бы помимо его воли. Стихотворение предстает как лирический скрытый комментарий к скучной истории героя А. П. Чехова. Важно отметить, помимо созвучия строк пушкинского произведения с фрагментом из рассказа, еще один момент: «Воспоминание» – это стихотворение о беспокойной совести героя, с отвращением «читающего» свою жизнь, передумывающего то, что было с ним ранее. В этом отношении он совпадает с героем-рассказчиком А. П. Чехова и одновременно окликает одно из главных положений «Задач этики» К. Д. Кавелина.

[1] Термин Ю. Н. Тынянова. См.: [Тынянов 1977: 289].

Показательно, что ни одно из слов в выделенной фразе из рассказа в точности не совпадает с пушкинским стихотворением. Если бы было дословное повторение слов, то у нас были бы основания утверждать, что Николай Степанович осознает свою связь с лирическим героем А. С. Пушкина. Однако этого нет. Аллюзия дана не в прямой форме, а в косвенной, имплицитной. Образно говоря, она проходит больше «по ведомству» автора, чем героя.

Отметим еще одну особенность словоупотребления в чеховской фразе, которая построена по модели пушкинской и своеобразно варьирует ее. Речь идет об отсутствии при предикатах необходимых по смыслу уточнений. В стихотворении А. С. Пушкина предикаты «трепещу» и «горько слезы лью» могут функционировать без дополнений, тогда как «проклинаю» и «горько жалуюсь» их предполагают и даже требуют. Проклинаю кого? Горько жалуюсь кому или на что? Отсутствие объектов при глаголах придает им характер неких универсалий, постоянных признаков мятущейся души лирического героя, а опосредованно и вместе с ним – Николая Степановича. Аналогичное словоупотребление встречается и в рассказе А. П. Чехова. «*Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь*» (VII, 282). Ненавижу и презираю кого? Негодую на что? Возмущаюсь кем или чем? Боюсь кого или чего? Конечно, контекст рассказа подсказывает вероятные ответы на возникающие вопросы. Ненавидит Николай Степанович «ученого тупицу», прозектора Петра Игнатьевича, презирает будущего зятя «курицу Гнеккера», возмущается своими недостаточно чуткими детьми, боится близкой смерти. Однако важнее другое: варьирование А. П. Чеховым строчек стихотворения А. С. Пушкина служит средством порождения в «Скучной истории» *неявного диалога автора с героем*. Бессознательное воспроизведение старым профессором «ритмико-интонационного макета» пушкинского «Воспоминания» в рассказе отражает его внутренний мир. Автор же, безусловно, сознательно прибегает к реминисценции, чтобы создать дистанцию между собой и героем, показать разницу их кругозоров. Для Николая Степановича драма завершения его жизни отнюдь не является скучной историей. Она индивидуальна, неповторима и драматична как личная смерть для каждого человека. Николай Степанович переживает завершение своего земного пути всерьез, едва ли не трагически. Автор же с помощью аллюзии на стихотворение А. С. Пушкина отчасти спорит со своим героем. Он отмечает то, чего не хочет или не может заметить герой. Для автора драма старого профессора отнюдь не нова, ее испокон веков испытывают люди, подводя итоги своей жизни. Герой рассказа уходит из жизни, так и не обретя осознания связи всех разнородных явлений своей жизни. «Тяжких дум избыток», не находя разрешения, попрежнему довлеет его сознанию. Потому и рассказанная история скучна именно для автора, но отнюдь не для его героя.

Если бы А. П. Чехов был писателем-дидактом, то мог бы предпослать рассказу эпиграф из Эккле-

зиаста или, наоборот, завершить рассказ им: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после нас» (Эккл. 1:9).

В заключение остановимся на жанре рассказа. Он стилизован под «житие». Это слово часто встречается в переписке А. П. Чехова и обычно окрашено в иронические тона. Разъясняя брату Михаилу смысл эпизода в пьесе «Иванов», он замечает, что заглавный герой «человек утомленный, поношенный; напротив, человек должен постоянно если не вылезать, то выглядывать из своей раковины, и должен он мудрствовать всю свою жизнь, иначе то уже будет не жизнь, а житие» (П. IX, 216). Очевидно, роль «раковины» для человека может сыграть почти что угодно, в том числе и столь любимая Николаем Степановичем наука. В более раннем письме А. М. Евреиновой слово «житие» уже не прямо, а имплицитно противопоставлено «жизни»: «Сюжет рассказа новый: *житие одного старого профессора*, тайного советника» (П. III, 244). «Житийность» рассказа проявляется прежде всего в его композиции, которая строится по принципу, сходному с композицией житийной иконы. Она, как известно, состоит из средника, на котором помещен лик святого, а по периметру иконы располагаются клейма, отражающие те или иные события его жизни. Роль «клейм» в рассказе играют отдельные эпизоды или рассуждения Николая Степановича по тем или иным вопросам. Изображение целого человеческой жизни создается за счет представления героя то в одной социальной роли, то в другой: профессора, доктора, отца, мужа, воспитателя, коллеги, зрителя, читателя. Монтаж эпизодов из жизни героя следует модели житийной иконы, недаром в первой же фразе рассказа А. П. Чехов использовал слово «иконостас», которое индуцирует нужный автору смысл: «…у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом» (VII, 251).

Жанр жития предполагает, что после смерти святого на месте его упокоения совершаются чудеса. Пресуществление жизни реальных великих людей в текст художественного произведения и есть фактически одно из великих чудес искусства, реализованное А. П. Чеховым. Оно случилось с К. Д. Кавелиным, Н. И. Пироговым и Н. А. Некрасовым, а вместе с ними – с литературным героем «Скучной истории».

Литература

А. К. (Кони, А. Ф.) Памяти Константина Дмитриевича Кавелина / А. Ф. Кони // Русская старина. – 1885. – Т. XLVI. – С. 649–660.

В. В. (Воронцов, В. П.) Учение о нравственности Кавелина: задачи этики / В. П. Воронцов // Северный вестник. – 1886. – № 5. – С. 1–26 (вторая пагинация).

Гольцев, В. А. Нравственные идеи К. Д. Кавелина / В. А. Гольцев // Русская мысль. – 1892. – № 6. – С. 123–137.

Гольцев, В. А. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина (Протокол чрезвычайного заседания Московского юридического общества 7 мая 1885 г.) / В. А. Гольцев // Юридический вестник. – 1885. – Т. 19, № 6/7, кн. 2/3. – С. 205–219.

Кавелин, К. Д. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. – 148 с.

Михайловский, Н. К. Сочинения : в 6 т. Т. 6 / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург : Типография Б. М. Вольфа, 1897. – 1046 стлб.

Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. Т. 4 / Н. А. Некрасов. – Ленинград : Наука, 1982. – 658 с.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. История русской интеллигенции. Часть третья. 80-е годы и начало 90-х / Д. Н. Овсянико-Куликовский. – Санкт-Петербург : Общественная польза и книгоиздат. «Прометей», 1911. – 224 с.

Одесская, М. М. Были ли идеалы у господина Чехова? / М. М. Одесская // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2008. – № 11. – С. 219–227. – EDN MPWJQZ.

Перцов, П. П. Изъяны творчества / П. П. Перцов // Русское богатство. – 1893. – № 1. – С. 41–71.

Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова // Русская старина. – 1884. – № XLIII. – С. 455–502; № XLIV. – С. 1–52, 223–274, 445–496; Русская старина. – 1885. – № XLV. – С. 1–54, 257–310, 481–526; № XLVI. – С. 1–52, 229–264, 455–480.

Протопопов, М. А. Жертва безвременья / М. А. Протопопов // Русская мысль. – 1892. – № 6. – С. 95–122.

Разумова, Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства / Н. Е. Разумова. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2001. – 522 с. – EDN YONMFC.

Скабический, А. М. Есть ли у г-на Чехова идеалы? / А. М. Скабичесвкий // А. П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 1. – Санкт-Петербург : РГХА, 2002. – С. 144–179.

Сухих, И. Н. «Скучная история»: непрочитанная повесть Чехова / И. Н. Сухих // Новый мир. – 2023. – № 10 (1182). – С. 196–209. – EDN NBBBWX.

Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 575 с.

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1974–1983.

Чудаков, А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. Т. 1 / А. П. Чудаков. – Москва : Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. – 520 с.

Чудаков, А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. Т. 2 / А. П. Чудаков. – Москва : Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2023. – 500 с.

References

Chekhov, A. P. (1974–1983). Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Pis'ma: v 12 t. = Complete works and letters, in 30 vols. Works, in 18 vols. Letters, in 12 vols. Moscow: Nauka Publishing House.

Chudakov, A. P. (2022). A. P. Chekhov v prizhiznennoy kritike. 1882–1904. Bibliograficheskaya monografiya-ukazatel'. T. 1 = A. P. Chekhov in lifetime criticism. 1882–1904. Bibliographic monograph-index. Vol. 1. Moscow: A. A. Bakhrushin Theatre Museum Publishing House, 520 p.

Chudakov, A. P. (2023). A. P. Chekhov v prizhiznennoy kritike. 1882–1904. Bibliograficheskaya monografiya-ukazatel'. T. 2 = A. P. Chekhov in lifetime criticism. 1882–1904. Bibliographic monograph-index. Vol. 2. Moscow: A. A. Bakhrushin Theatre Museum Publishing House, 500 p.

Goltsev, V. A. (1885). Pamyati Konstantina Dmitrievicha Kavelina (Protokol chrezvychaynogo zasedaniya Moskovskogo yuridicheskogo obshchestva 7 maya 1885 g.) = In memory of Konstantin Dmitrievich Kavelin (Minutes of the extraordinary meeting of the Moscow Law Society, May 7, 1885). *Legal Bulletin*, *19*, *6/7*(2/3), 205–219.

Goltsev, V. A. (1892). Nravstvennye idei K. D. Kavelina = Moral ideas of K. D. Kavelin. *Russian Idea*, *6*, 123–137.

Kavelin, K. D. (1886). Zadachi etiki: Uchenie o nravstvennosti pri sovremennykh usloviyakh znaniya = The tasks of ethics: The doctrine of morality under modern conditions of knowledge. Saint Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich, 148 p.

Koni, A. F. (1885). Pamyati Konstantina Dmitrievicha Kavelina = In memory of Konstantin Dmitrievich Kavelin. *Russian Antiquity*, *XLVI*, 649–660.

Mikhailovsky, N. K. (1897). Sochineniya: v 6 t. T. 6 = Works, in 6 vols. Vol. 6. Saint Petersburg: B. M. Wolf Printing House, 1046 c.

Nekrasov, N. A. (1982). Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 t. T. 4 = Complete works and letters, in 15 vols. Vol. 4. Leningrad: Nauka Publishing House, 658 p.

Odesskaya, M. M. (2008). Byli li idealy u gospodina Chekhova? = Did Mr. Chekhov have ideals? *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. Oriental Studies*, *11*, 219–227. EDN MPWJQZ.

Ovsyaniko-Kulikovsky, D. N. (1911). Istoriya russkoy intelligentsii. Chast' tret'ya. 80-e gody i nachalo 90-kh = History of the Russian intelligentsia. Part three. The 1980s and early 1990s. Saint Peterburg: Public Benefit and Book Publishing House "Prometheus", 224 p.

Pertsov, P. P. (1893). Iz"yany tvorchestva = The Flaws of creativity. *Russian Wealth*, *1*, 41–71.

Posmertnye zapiski Nikolaya Ivanovicha Pirogova = Posthumous notes of Nikolai Ivanovich Pirogov. (1884). *Russian Antiquity*, *XLIII*, 455–502; *XLIV*, 1–52, 223–274, 445–496; (1885), *XLV*, 1–54, 257–310, 481–526; *XLVI*, 1–52, 229–264, 455–480.

Protopopov, M. A. (1892). Zhertva bezvremen'ya = A victim of timelessness. *Russian Idea*, *6*, 95–122.

Razumova, N. E. (2001). Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva = The works of A. P. Chekhov in terms of space. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 522 p. EDN YONMFC.

Skabichesky, A. M. (2002). Yest' li u g-na Chekhova idealy? = Does Mr. Chekhov have ideals? *A. P. Chekhov: Pro et contra, anthology (vol. 1)*, 144–179. Saint Petersburg: RKhGA Publishing House.

Sukhikh, I. N. (2023). «Skuchnaya istoriya»: neprochitannaya povest' Chekhova = An unread story by A. P. Chekhov. *New World*, *10*(1182), 196–209. EDN NBBBWX.

Tynyanov, Yu. N. (1977). Poetika. Istoriya literatury. Kino = Poetics. History of literature. Cinema. Moscow: Nauka Publishing House, 575 p.

Vorontsov, V. P. (1886). Uchenie o nravstvennosti Kavelina: zadachi etiki = Kavelin's doctrine of morality: The tasks of ethics. *Northern Herald*, *5*, 1–26.

Данные об авторе

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения лиц с ОВЗ, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, kubas2002@mail.ru

Author's information

Kubasov Alexander Vasilievich – Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and Methodology of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

Дата поступления: 09.04.2026; дата публикации: 30.06.2026

Date of receipt: 09.04.2026; date of publication: 30.06.2026